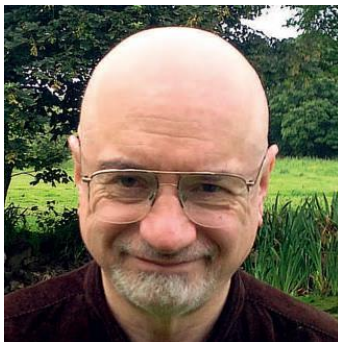

Притчи о загадках и противоречиях бытия

12.03.2024 / № 399 / с. 13 / Михаил Эпштейн / Мыслящий тростник / [No Comments](#)

Обычно философия обходит случаи стороной, имея дело только с принципами, идеями, законами, универсалиями. Но в основании мира, как склонна считать современная наука, лежит именно случайность. По мысли Нильса Бора и вопреки Альберту Эйнштейну, Бог играет в кости — именно это он делает с квантами. На случайностях и вероятностях построена самая точная из наук об основах мироздания — квантовая физика. Почему бы и философии не обратиться к случайному? Дадим шанс шанс!

«Философские случаи» — это мыслительные эксперименты, которые разрывают привычную связь явлений, расщепляют реальность на смысловые кванты и дают толчок медитации и воображению. Каждый «случай» — зернышко новых представлений о мире. В традиционных поучительно-иносказательных жанрах, таких как притча или басня, обычно вещи или животные следуют тем ролям, которые им предписаны. Семя растет; вино наливается в мехи; овцы пасутся; стрекоза пляшет; муравей делает запасы на зиму; волк съедает ягненка... В данных «Случаях» вещи выходят из повиновения, пересекают отведенные им границы: дела бегут от мастера, золотое перо рисует каракули, песчинка вопиет в пустыне, скрепа диктует приказы... Такова природа случая как внезапного происшествия: он ломает правила, нарушает ожидания. Если притчи или басни учат вести себя сообразно с природой вещей и поэтому отвечают на запросы религии и морали, то философия ставит под сомнение наличный порядок, ее суть — удивление, неожиданность, подрыв устоев и вопрошание о смыслах. Поэтому «случай» в моем понимании — жанр философский.

Есть случайности, разрушительные для порядка вещей, как, например, у Даниила Хармса, чьи «Случаи» (1930-е) — это частицы абсурда, кванты нелепицы¹. Для меня, напротив, важно разрастание маленьких частиц до наибольших смыслов, включающих в себя всё: от человека до Бога, от атома до Вселенной. Мир тем и хорош, что любые ошибки, нелепости и заблуждения могут оборачиваться приращением смысла. Если хармсовские случаи — это антисмыслы, то в моем понимании это метасмыслы, включающие абсурд.

У Хармса первая фраза обычно еще несет смысл, а дальше он стремительно разрушается. Например: «У Пушкина было четыре сына...» — это неверно, но осмысленно. А дальше оказывается, что все они были идиотами и падали со стульев, как и сам Пушкин. И заканчивается полным абсурдом: «...на одном конце Пушкин всё время падает со стула, а на другом конце — его сын. Просто хоть всех святых выноси!» Я бы продолжил так: «А когда вынесли всех святых, оказалось, что сам Пушкин и есть главный святой. И хотя со всех стульев он падал, зато вознесся выше Александрийского столпа. Ай да сукин сын!». Так хармсовский антисмысл перерастает в сверхсмысл. То, что кажется абсурдом и идиотизмом, оказывается акробатикой случая, многозначной игрой разума. Каждый случай — переворот в привычной картине мира.

Эти короткие, в несколько строк, иносказания сопровождаются иллюстрациями, созданными с помощью нейросети. Картинки, выдаваемые нейросетью в ответ на мои запросы и подсказки (промпты), порой отходят от текста, вводят дополнительные подробности или опускают какие-то моменты сюжета. Иллюстрации — не буквальный перевод с языка словесного на изобразительный, но создание самоценных образов, новых ассоциаций, подсказывающих дальнейшее развитие ситуации.

Как и сами «философские случаи», картинки тоже *случаются*: их рождение в нейросети так же прихотливо и непредсказуемо, как вспышка мысли или образа в человеческом мозге. Вопреки стереотипному мнению о «механистичности» такого творчества, каждая картинка уникальна. Сама нейросеть не может ее повторить и по точно такому же запросу в ту же самую минуту выдает совсем другой образ. Перефразируя Гераклита, в одну и ту же нейросеть нельзя войти дважды. Если соединить классическую ясность, сюрреалистическое воображение и техническую изощренность, добавив юмор и иронию, получится тот род искусства, который можно назвать «техно-арт» или «нейро-арт».

Золотое перо

Старый поэт подарил молодому золотое перо. Молодой принял дар с благоговением и спросил: «Что вы написали этим пером?» — «Ничего, — ответил великий поэт. — Я работал только на пишущей машинке и компьютере». «Для чего же вам перо?» — удивился молодой. «Я рисовал им всякую чепуху и ставил кляксы. Это перо удержало меня от сочинения тысяч плохих стихов». «Чудесный подарок!» — воскликнул молодой поэт и положил перо на письменный стол. И больше уже никогда не писал стихов.

Теолог и атеисты

Теолог стал защищать Бога от нападок атеистов. Атеисты решили придушить теолога и посмотреть, что им за это будет от Бога. Не отводили глаз от небес. Проходит день, другой, а на третий один атеист приходит к другому и говорит: «Мы были неправы. Бог милосерд».

Скрепка

Скрепка ныла от скуки. У нее не осталось никаких дел. Бумаг уже никто не скреплял, потому что они вышли из обихода. Коробка со скрепками лежала рядом с компьютером, ее могильщиком, — но никто к ней уже давно не прикасался. И вдруг в комнату вошло нечто большое — даже шкаф посторонился, а стол прогнулся. Это была огромная Скрепа. Она была в точности как маленькая, только в тысячи раз больше. «Ты для чего? — пискнула скрепка. — Ведь бумаг уже нет, и мы не нужны». — «Подумаешь, бумаги! — басом ответила Скрепа. — Я буду скреплять Народ. У меня железная хватка». И продиктовала компьютеру свой указ.

Михаил Эпштейн, профессор Университета Эмори (США)

¹ См. также «Ereignisse» (1969) австрийского писателя Томаса Бернхарда (1931–1989): Происшествия / Пер. с нем. Е. Гайдуковой, А. Огнёва, В. Черкасова. — М.: Либра, 2018. — Ред.